

Золотой
Тадисман

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серийного оформления *Андрея Старикова*

В оформлении обложки использованы рисунки
художников *Андрея Липаева* и *Вячеслава Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Потерянная / Гай Юлий Орловский, Марго Генер. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Золотой
Талисман).

ISBN 978-5-699-94353-1

Люди не смогли ответить на вопрос, кто такая Каонэль. Солнечные эльфы пришли в замешательство, пытаясь понять, откуда взялась своенравная красавица с пепельной кожей, какая сила таится в желтых глазах. Друзья стремятся разгадать загадку серой эльфийки. Но больше всех это хочет выяснить она сама. Чтобы вернуть память, эльфийка пускается в опасный путь на поиски Золотого Талисмана...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94353-1

© Орловский Г.Ю., Генер М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Ощущение боли пришло неожиданно и оказалось таким сильным, что я дернулась. Кости ломит, кожу печет. Попробовала разлепить веки, но свет ослепил. Пришлось зажмуриться и ждать, пока не перестанут плавать пятна. Когда открыла глаза, долго щурилась и моргала.

Над мной бледное, почти белое небо с рядами облаков, за ними сияет желтое пятно. Порезы саднит, словно туда соли натолкали, попробовала шевельнуть ушами, но те не сдвинулись.

Над головой раздалось протяжное:

— Ка-аррр!

В небе нарезает круги огромный ворон. Белые глаза сверкают, как слюда, крылья переливаются синевой, птица наблюдает за мной с высоты.

Когда горячий ветер принес облачко пыли, лоб зачесался. С превеликим трудом мне удалось поднять руку и поскрести пальцами, но через секунду силы кончились, и я уронила ладонь в песок.

— Летай, — прохрипела я. — Пользуйся превосходством.

Ворон сделал еще несколько кругов и улетел.

Глянув вниз, я скривилась — короткая юбочка едва прикрывает бедра, грудь стянута куском ткани. Ноги босые, серая кожа потрескалась от солнца.

Вокруг песчаные дюны, ветер гонит тучи желтой пыли. От самых пяток тянется зигзагообразный след и теряется где-то в бархане.

Я шумно сглотнула, в груди шевельнулась тревога. Но когда пригляделась, заметила по краям ямки от трехпалых лап и облегченно выдохнула — не змея. Ящерица.

Вокруг пусто, но на всякий случай развернулась в сторону бархана и сделала самое суровое лицо, на какое способна в таком состоянии.

— Не видать вам сегодня свежего мяса! — крикнула я хрипло.

Горло обожгло, я закашлялась. Попытка подняться обернулась головокружением, еле удержалась, чтобы не упасть. Пришлось лечь на спину и сделать несколько глубоких вдохов.

Я прислушалась к состоянию, надеясь на улучшение. Но в порезы попал песок, раны горят, я сжимаю губы и молчу — что-то внутри заставляет терпеть.

С трудом перевернувшись на живот, я несколько мгновений неподвижно лежала на песке. Горячие крупинки впились в щеку, словно пытаются проникнуть под кожу.

Когда все же заставила себя подняться, резко повело в сторону, пришлось растопырить руки и ждать, пока мир перестанет качаться.

Всего в нескольких шагах зеленеет роща, от деревьев тянет прохладой. Тяжело переставляя ноги, я добралась до травы и пробормотала:

— Подожди, смерть... Не сегодня.

Под ногой шевельнулось, я устало посмотрела вниз. Между пальцев выполз жук с перламутровой спинкой и с недовольным гудением улетел.

Длинные кончики ушей все еще безжизненно висят. Влаги в них не больше, чем в остальном теле, но слабеют первыми потому, что кожа тонкая и мяса внутри почти нет.

Я пролепетала:

— Пить. Нужно срочно попить.

Доковыляв до ближайшей тени, я села под дерево и раскинула ноги.

Ветка противно царапнула плечо, выступила густая сукровица и тут же схватилась корочкой. Я безразлично посмотрела на рану.

Голова снова закружилась, пришлось вцепиться пальцами в траву, чтоб удержаться сидя. Из нее потек зеленоватый сок с сильным мятным запахом. Когда попал на ссадины, порезы сильно запекло. Я измотанно опустила взгляд, наблюдая, как пузырится сукровица.

Наконец жжение прекратилось. Осмотрев ладонь, с изумлением обнаружила здоровую серую кожу без единой царапины.

— Ну и дела, — прошептала я и уставилась на руку. — Чудо-травы, природная магия.

Наверху хрустнуло. Я подняла голову, но успела заметить лишь черный силуэт и ветку, усыпанную крупными плодами. Она еще раз хрустнула и полетела вниз.

Надо было сгруппироваться, подвинуться, но я лишь подтянула колени. Ветка пронеслась рядом, задев уголок уха.

— Проклятая деревяшка. Нашла, куда падать... — произнесла я пересохшими губами.

Коряга замерла у самого колена. Я с изумлением уставилась на нее, втайне надеясь, что это не мираж. На секунду закралось подозрение — вдруг плоды несъедобные. Но пальцы сами потянулись к пище.

Сорвав плод, я с наслаждением впилась в сочную мякоть и поглощала плоды, пока на ветке не остались одни черешки. В животе довольно булькнуло, уши потеплели и поднялись.

— Не умру, — прошептала я в пустыню все еще хриплым голосом. — Слышишь, ящерка? Не сегодня.

У меня хватило смелости сорвать пучок и натереться, пока раны не воспалились. Кожу запекло; когда все порезы вспенились, я откинулась на ствол и замерла. Жжение проникло в самую глубину, словно крошечные жуки вгрызаются в тело.

Чтобы не потерять сознание, попыталась думать об исцелении, о полезности травки, хоть и жгучей до дурноты. Я молча терпела с каменным лицом.

Боль отступила неожиданно и полностью. Сукровица исчезла, раны затянулись, даже шрамов не осталось.

Как только телесная боль отступила, в черепе загудело. Я тряхнула головой, пытаясь освободиться, но шум лишь усилился. Миллионы голосов зашептали на разных языках — галдят, пытаются перебить друг друга.

Я зажала уши ладонями и закричала:

— Оставьте меня в покое!

Рой моментально затих. Я замерла в ожидании новой волны, но мысли будто поняли, кто тут хозяин, — разбежались и тихонько выглядывают из-за углов.

Повисла тишина.

Из глубины сознания поднялась мысль, настолько огромная, что я съежилась. Она уставилась пустыми,

бездонными глазами и зашагала вперед. Даже слышно стук каблуков, а может, это просто кровь в висках пульсирует.

Мысль царственно подошла и поклонилась.

— «Кто я», — представилась она.

Во рту пересохло, теперь уже от нервов.

— Кто я? — механически повторила я и опустила руки в траву.

Мысль зловеще захохотала и растворилась в пустом сознании.

По небу плывут реденькие облака, солнце беззаботно сияет. Ветерок играет с кронами деревьев и шелестит листвой. Мир такой, как прежде, и просуществоует еще миллионы лет. Ничего не изменилось, кроме одного — я не помню этого «прежде».

Я с силой потерла лоб, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но в голове пусто, разве что муха не летает по кругу.

— Может, все сон? — спросила я себя. — Во сне всегда не помнишь, как уснул.

Ожидала, что величественная мысль снова поднимется из неведомых глубин, но та предательски молчит.

Снова потерев лоб, я проговорила быстро:

— Нет. Боль была вполне реальной, такое не спутать. Имя! У меня должно быть имя! Все плохо, все очень плохо!

В районе солнечного сплетения ухнуло, будто обвалился подвесной мост, по телу прокатилась волна паники. Я подскочила, едва не стукнувшись о ветку, и в ужасе кинулась в глубину рощи.

Несколько раз чуть не осталась без глаз из-за кривых веток. Еловые колючки ободрали кожу, листья

налипли на лоб и плечи. От чумного бега в затылке потеплело, даже уши нагрелись.

На пути выскочил раскидистый куст с блестящими от сока шипами. Попыталась обогнуть слева, но споткнулась о пенёк и рухнула в заросли.

Колючки оставили неглубокие, но длинные порезы. Я взвыла от досады, но падение в терновник немного отрезвило. Поднявшись, я встала рядом с кустом, чтобы осмотреть на наличие яда.

— Вырос, бестолочь! — процедила я, будто пенёк может понять.

Пенёк, естественно, не ответил, стоит себе у куста, качает грибочками на тонких ножках. Зато куст цветет и благоухает, призывно раскрыв бутоны. Над ними гудят пчелы, от чего куст кажется неведомым зверем.

Поняв, что яда в нем нет, я осмотрела царапины. Они оказались не глубокими и заживут без магической травы.

Но все же пришлось минуту стоять без движений и глубоко дышать, приводя мысли в порядок и заставляя сердце биться ровно.

— Хорошо, — попыталась рассуждать я, — мне не известно имя, откуда и куда направлялась. Но я жива, могу связно думать и изъясняться. Какая-то тварь дала по голове и бросила погибать в пустыне. Не с неба же я свалилась. Но потеря памяти не бывает вечной. Скоро вернется. Непременно должна вернуться.

Наивные выводы немного успокоили, но в груди заворочалась смесь обиды и гнева. Я сдавленно зарычала и двинулась сквозь заросли в поисках разумной жизни.

Мысли потекли пустые и безответные, похожие на разбавленный кисель. Безмолвная тревога притаилась

в районе груди и время от времени напоминает о себе короткими спазмами.

Я понимала: произошло что-то нехорошее. Возможно, сама натворила что-то ужасное — съела чей-то обед или пришла на прием в одинаковом наряде с какой-нибудь королевой. Но за это не убивают. Или убивают?

В ветках пискнула синица. Вспорхнув с ветки, она села мне на плечо и залилась звонкой трелью. Я с удивлением покосилась на бесстрашное создание. Птичка перестала петь и развернулась пестрым боком. Глаз-бусинка внимательно уставился на меня.

Я поднесла палец к пушистому брюшку, осторожно прикоснулась. На ощупь перышки мягкие, как высококлассный шелк. Птичка встрепенулась, растопырила крылышки, но не улетела.

— Привет, козявка, — прошептала я в пернатую голову. — Не боишься?

Птичка повернулась, посмотрела другим глазом, будто поняла. Затем чирикнула и упорхнула к сорочкам.

Я вздохнула, в голове проплыли странные мысли о небе, полетах и бескрайних просторах, даже подумала, что из меня бы получилась отличная птаха. Тогда бы точно не попала в эту нелепую передрагу. Просыпаясь, чистишь перья и отправляешься ловить жуков, чирикать хором и гадить с веток. Если не нравится — лети в другое место, где небо выше, трава зеленее и жуки жирнее.

Под ногами похрустывают ветки, приходится ступать осторожно, иначе напугаю местное зверье или еще кого-нибудь. В лесу обитают такие твари, которых лучше не встречать.

Вверху тихо шелестит листва, тень от нее настолько густая, что полностью накрывает нижний ярус. Из-под зеленых кочек время от времени выпрыгивают любопытные белки, смешно растопыривают лапы, шевеля рыжими носами.

Я покосилась на них и произнесла, стараясь заставить голову работать в нужном направлении.

— Итак, — проговорила я. — Помню названия зверей и растений, но не помню ничего о себе. Думала, если память отшибает, то полностью.

Густая поросль кончилась, вместо нее пошли аккуратные кустики с прозрачными зелеными шариками. Сразу видно, что кто-то нарочно высадил, то ли для красоты, то ли для удобства сбора ягод. Я на ходу сорвала горсть и отправила в рот. Круглые шарики с треском лопнули на зубах, расплескивая горький вяжущий сок.

Я скривилась, терпкий вкус высушил язык, пришлось выплюнуть.

Через несколько шагов выбралась на хорошо утоптанную тропу. Из дальних зарослей донеслось фырканье и сопение. Медленно подкравшись к обочине, я раздвинула ветки.

За кустом в середине полянки скачет енот вокруг огромного ореха, коготки царапают скорлупу, пытаюсь расколоть. Орех катается по траве и разваливаться не торопится. На шорох енот обернулся, шерсть вздыбилась, глаза испуганно уставились на меня.

— Может, тебя надо изловить и съесть? — поинтересовалась я.

Енот словно понял, уши прижались, он сжал коготками орех и испуганно присел на задних лапках. Когда представила, что придется гоняться за ним, подманывать, возиться — уши уныло повисли.

— Радуйся, звереныш, — сказала я. — Мне идти надо.

Я отпустила ветки и отошла. Из зарослей донесся топот убегающих лап.

Тропа двинулась навстречу. Ноги по щиколотку утопают в пыли и противно чешутся, но под рыхлым слоем чувствуется утоптанная земля. Такое бывает после суховея, только непонятно — откуда в роще степной ветер.

Деревья редуют, кто-то явно позаботился о том, чтобы по тропе можно было свободно передвигаться даже ночью. По обочинам воткнуты палки с наматанными на концы тряпками. От ткани идет резкий маслянистый запах.

У старых деревьев ветки толстые, их подперли деревяшками. А деревца помоложе сами торчат, как веники. Видно — умелые руки любовно обрезали ветки, чтоб те скорее достигли плодоносного возраста, окопали.

Уверенности у меня прибавилось. Жители, которые бережно заботятся о кустах, непременно должны быть добродушными. И уж конечно окажут посильную помощь потерявшей путнице.

Тропа стала шире, деревья ниже, трава превратилась в кудрявый спорыш. Наконец роща кончилась, и передо мной открылось пшеничное поле.

Высокие колосья с приятным шорохом шумят на ветру и клонят золотистые головы. Я провела рукой по желтому ковру и облегченно выдохнула — землю возделывают, помощь близко.

Пришлось оставить спасительную тень и двинуться сквозь пшеницу. В прокаленном мареве пахнет соломой, в зарослях стрекочет то ли кузнечик, то ли еще

кто-то. Воздух тяжелый, и солнце палит, но душа ликует.

Через каждые три шага холмики кротовых нор, слишком больших для обычных кротов. Приходится перепрыгивать. Под ногами шмыгают разжиревшие мыши.

Впереди замаячили коренастые фигуры мужчин и женщин, я подошла ближе и присмотрелась.

Те, что впереди, — орудуют косами. Лезвия срезают тонкие стебли, оставляя у земли невысокие черенки. Другие следуют за ними на почтительном расстоянии, укладывают пшеницу аккуратными рядами и вяжут в снопы.

— Точно, — прошептала я. — Как и думала. Фермеры. Добродушные фермеры.

Вскинув ладони в приветственном жесте, я направилась к ним.

Глава 2

Первой мое приближение заметила толстая баба с пучком соломы в кулаке. Она приглядывалась и шурилась, пока я прыгала через кротовые норы. В конце концов, баба бросила солому и приложила ладонь козырьком ко лбу. Глаза медленно округлились, она подхватила подол юбки и истошно заорала:

— Эльфы! Чертовы эльфы вернулись!

Потом резко развернулась и бросилась убежать через выкошенное поле.

Я уронила руки и застыла, оттопырив уши. Горячий ветер буквально скребет кожу, треплет волосы, в лицо летят остатки соломы.

— Мне... мне помощь нужна, — пробормотала я изумленно.

Тут же поняла, как глупо это прозвучало.

Работяги на секунду замерли в замахе, приглядываясь ко мне. Лица хмурые и настороженные.

Женщины еще секунду смотрели на меня, потом с поросычьим визгом крутанулись и кинулись вслед за первой. Мужчины хором взревели и ринулись на меня.

Мелькнула запоздалая мысль — надо бежать обратно в рощу, а не стоять истуканом посреди поля. Но ноги словно приросли к земле. Я выпучила глаза, наблюдая, как приближается толпа разъяренных мужиков. Когда наконец смогла шевелиться, фермеры окружили меня плотным кольцом и наставили острия кос прямо в живот.

Я мысленно выругалась. Конечно, только мне могло прийти в голову, что фермеры раскроют объятия непонятно кому. Рожи перекошенные, носы картошками — такими только малышей пугать.

Чтобы не раздражать незнакомцев, пришлось поднять руки над головой.

— Я с миром, — сказала как можно дружелюбней. — Я вам не враг.

Рыжий мужик со шрамом на щеке замахнулся косой и оскалил гнилые зубы.

— Заткнись, мерзкая тварь! — проревел он басом. — Не враг, ишь ты! Незамеченной решила пройти? Ничего, Старейшина решит, что с тобой делать.

Он выставил лезвие перед собой, медленно обошел, не сводя с меня злого взгляда. Остальные замерли с поднятыми косами. Пока я тарасилась на фермеров, мужик прошмыгнул за спину и скрутил руки колючей